

... Тебе ради, бесплотен сы, плотию обложихся, да всех душевныя и телсныя недугы исцелю. Тебе ради, невидим сы ангельским силам, всем человеком явихся ... И глаголеши: человека не имам!..». Подменяя повествование такого рода речами, Кирилл Туровский только возвращался к привычной для него ораторско-риторической форме изложения.

Завершал Кирилл свои «праздничные» слова обращением: или к слушателям с призывом еще раз прославить праздник, или к героям повествования с «похвалой» им и молитвой. Самая примечательная особенность заключительной части речей Кирилла — редкое даже у него нагромождение близких по значению слов и словосочетаний. В речи «на Вознесение», например, читается в «похвале» Христу длинный перечень его щедрот; Кириллу понадобилось восемнадцать глаголов, чтобы эти щедроты охарактеризовать: «отверзает праведником рай»; «посылает страсто-терпцем чудес благодать»; «отпускает грешником прегрешения»; «милует вся творящая волю его»; «укрепляет на терпение мнихы»; «благословляет вся крестьяны» и т. д. То же скопление, на этот раз прославляющих эпитетов и сравнений, находим в «похвале» отцам Никейского собора: «реки разумнаго рая»; «земнии ангели»; «высокопарящий орли»; «необоримий гради»; «непоколеблени столпи»; «вернии недремлющи святые церкви стражеве»; «чистии сосуди, божие слово в себе носяще»; «богоноснии облаци, иже чудотворьными каплями одождяюще верных сердца»; «красныя обители, в них же святая почиваеть троица»; «невядающии цвети райского сада»; «небесного винограда красныя леторасли» и пр. Такое обилие однотипных словосочетаний могло бы показаться чрезмерным, если бы здесь — в конце слова — оно не имело определенного художественного назначения. Готовя финал, Кирилл — опытный мастер — подымал слово на предельно высокую ступень риторической эмфазы. В той же празднично-торжественной тональности, в какой слово начиналось, оно должно было, по замыслу Кирилла, и закончиться.

«Праздничные» слова Кирилла Туровского написаны в жанре — одном из древнейших в христианской литературе; тесно связанный с богослужбной практикой, он уже в IV в. достиг блистательного расцвета у таких мастеров греческой ораторской прозы, как Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Елифаний Кипрский. Установлено, что Кирилл внимательно изучал их творения не только в переводе, но, возможно, и в оригинале.³ Риторика Кирилла по своему происхождению несомненно восходит к риторике этих его предшественников. В словах Кирилла обнаруживаются даже прямые реминисценции из указанных авторов. Так, например, Григорию Назианзину он был обязан некоторыми подробностями своего описания весны в слове третьем;⁴ Елифанию Кипрскому (его изображению нисшествия Христа в ад) — отдельными деталями рассказа о вознесении Христа на небо.⁵ Творения классиков церковной ораторской прозы были для Кирилла неисчерпаемым источником вдохновения. Из этого источника он, как, впрочем, и многие другие его предшественники, более близкие по времени, византийские и болгарские (Климент Охридский, Иоанн Экзарх), брал то, что по ходу речи казалось необходимым. Правда, случаи дословного заимствования встречаются у него сравнительно редко; это или от-

³ В П. Виноградов Уставные чтения, стр. 172 и сл. Вопрос о том, в какой мере Кирилл Туровский владел греческим языком, еще нуждается в дополнительном исследовании.

⁴ М. И. Сухомлинов Исследования по древней русской литературе, стр. 304—308, A. Vaillant Cynlle de Turou et Grégoire de Nazianze — Revue des études slaves Paris, 1950, t XXVI, стр. 34—50.

⁵ В П. Виноградов Уставные чтения, стр. 141—142.